

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПАПСКОГО ПРИМАТА В I–V ВВ.

М. В. ГРАЦИАНСКИЙ

Публикуемая статья посвящена анализу возникновения и развития концепции папского примата — специфического воззрения на роль и место епископа Римского во вселенской Церкви. Автором рассматривается период с момента возникновения традиции о мученической смерти апостола Петра в Риме во II веке и до понтификата папы Льва I (440–461), который подвел промежуточный итог развитию идеи об исключительном положении Римского Понтифика в Церкви. В статье анализируются ранние (II–IV вв.) свидетельства об отношении апостола Петра к Риму, представлявшие его сначала как римского мученика, затем как основоположника епископской кафедры, а затем как первого епископа Римского. Таким образом, восприятие личности апостола Петра прежде всего в Римской Церкви подается в его развитии. В статье демонстрируется, как из весьма ненадежной древней традиции, связывающей кончину апостола с Римом, в IV–V вв. вырастает концепция о Петре как «князе апостолов» (*princeps apostolorum*), передавшем свою «власть» над вселенской Церковью епископам Римским — концепция, нашедшее свое крайнее развитие в учении папы Льва I. Параллельно дается очерк положения Римской Церкви в ранний период и отдельно — границ ее административной юрисдикции. Автор статьи стремится показать, что идея о вселенской роли Римской Церкви и ее претензии на общецерковную юрисдикцию в пределах Римской империи основывались на принципах кардинально отличных от принципов церковно-административного устройства, применявшихся в имперской Церкви и основанных на постановлениях поместных и вселенских соборов.

Примат Римского Папы (*primatus*) — особый взгляд римских пап на собственное положение во вселенской Церкви, выраженный в определенных привилегиях (*privilegia*) римского престола как престола св. Петра. В окончательной формулировке, выработанной к концу XI в., привилегии римского престола включают следующие пункты: 1) исключительное право Римского Понтифика на титул вселенского; 2) исключительное право низлагать (в том числе и заочно), поставлять и перемещать епископов, а также любых клириков без созыва собора; 3) исключительное право председательствовать через своих легатов на соборах и придавать соборам статус «вселенских»; 4) власть издания и отмены законов, канонов, создания новых церковно-административных единиц; 5) исключительное право пользоваться императорскими регалиями; 6) власть низлагать императоров и про-

чих светских правителей; 7) право освобождать подданных от присяги светским правителям; 8) исключительное право на поминание папского имени в церквях; 9) исключительное право выносить окончательный приговор по судебным делам; 10) неподсудность самого папы; 11) исключительная юрисдикция (право суда) во всех церквях. Кроме того, постулируются автоматическая святость канонически поставленного папы «благодаря заслугам святого Петра» и непогрешимость Римской Церкви¹. Фактически речь идет о претензиях на абсолютную власть во всей христианской ойкумене, причем как церковную, так и светскую.

Данные положения, подводящие итог развития папства в первом тысячелетии по Р. Х., стали выражением ясной политической программы, реализуемой в последующие столетия, невзирая на жесткое противодействие внешнего мира столь неслыханным и вопиюще неоправданным претензиям папского престола. Несмотря на тот очевидный факт, что подобные претензии имеют позднее происхождение и обусловлены конкретными церковно-политическими причинами, большинство поборников папского примата — как прежних, так и современных — ничтоже сумняшеся видят в них всего лишь четкую фиксацию того положения Римской Церкви, которое та якобы занимала практически с начала своего возникновения. Привилегии римского престола, зафиксированные в начале XI в., воспринимаются не как принципиально новая и новаторская страница в его истории, но как продолжение истории предшествующего периода, и потому основные усилия защитников идеи папского примата направлены на демонстрацию того, что такие привилегии, собственно, существовали всегда, хотя, пожалуй, и не всегда столь четко формулировались².

Между тем, вовсе не трудно убедиться в том, что привилегии папского престола в их зрелой формулировке конца XI в. являются продуктом почти тысячелетней истории подлогов и искаженного представления исторической и правовой действительности, в которой существовала вселенская Церковь данного периода. Основание концепции римского примата в I тысячелетии по Р. Х. заложено на ряде бездоказательных допущений, касающихся, в первую очередь, личности апостола Петра, который в соответствии с поздним преданием мученически окончил свою жизнь в Риме, рукоположив там первого епископа, а в соответствии с еще более поздним — был первым римским епископом. На всем протяжении своей истории Римская кафедра в своих официальных документах старается не давать надежных ссылок, подтверждающих тезис о происхождении римского епископского престола от апостола Петра, фактически заявляя, что очевидное и всем известное не нуждается в доказательствах. Такая аргументация могла бы быть уместна при жизни свидетелей событий, однако она исключается в случае, если события отделены от нас многими веками, и сам факт того, что они вообще имели место, в глазах множества наблюдателей выглядит крайне сомнительным.

¹ См.: *Das Register Gregors VII* / E. Caspar, ed. B., 1920. Bd 1. S. 201–208.

² К такой мысли, в частности, призван подводить документ, принятый в 2008 г. Координационным комитетом Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Православной Церковью и Римско-Католической Церковью (Joint Coordinating Committee for the Theological Dialogue between the Roman Catholic Church and the Orthodox Church), носящий название «Роль епископа Рима в общении Церквей в первом тысячелетии».

Уже самые ранние авторы (конца II в.), сообщая о смерти Петра в Риме, не считают нужным обосновать свои высказывания ссылкой на какой-либо авторитет, будь то письменный или устный. Таким же самым образом поступают и позднейшие авторы, которые в силу отдаленности времени их жизни от апостольских времен уже не могут сослаться даже на ненадежную устную традицию. Как следствие, в истории с пребыванием апостола Петра в Риме все противоречит элементарной логике: чем дальше от времени событий, тем большими подробностями эта история обрастает. Мужья апостольские никак не связывают Рим и Петра, хотя пишут и о первом, и о втором. К концу II в. новые поколения христиан пишут о пребывании Петра в Риме уже с уверенностью, причем, не обращая внимания на логические и хронологические противоречия, говорят, что именно Петр рукоположил первого римского епископа³. Проходит еще с лишком полвека, и римские христиане уже знают, где лежат самые мощи апостола (258 г.)⁴. А еще через сто с лишним лет (времена блж. Иеронима, конец IV в.) с уверенностью говорят, что Петр собственно и был первым римским епископом! Параллельно развивается аргументация о том, что Петр имел власть над древней Церковью и занимал среди апостолов исключительное, главенствующее положение. Исходя из этих ложных посылок, папы с конца IV в. начинают развивать идею о том, что и преемники апостола Петра, римские епископы, должны иметь безусловную власть во вселенской Церкви, поскольку дескать такой властью обладал среди апостолов и в первоначальной Церкви сам Петр.

В настоящей краткой работе мы попытаемся дать очерк того, как постепенно, шаг за шагом римские папы путем натяжек и фальсификаций побуждали вселенскую Церковь и светских правителей Римской империи поверить в историческую предопределенность своего исключительного положения.

Особое положение Рима в древнем мире было обусловлено миродержавным статусом этого города как резиденции владык мира — правителей Римской империи. Естественно, этот факт не мог рассматриваться в качестве решающего аргумента в пользу исключительного статуса Римской Церкви в начальный период существования христианства. В первые полторы сотни лет существования христианства римская община не играла выдающейся роли, и в церковных преданиях Риму отнюдь не уделялось значительного места, в отличие от многочисленных городов Востока, тесно связанных с деятельностью Спасителя и апостолов.

Наличие предания о мученической смерти св. апостола Петра в Риме фиксируется не ранее конца II в., т. е. примерно через 100 лет после предполагаемой даты смерти апостола в Нероново гонение (67 г.)⁵. Канонические тексты Священного Писания говорят о Риме главным образом в контексте путешествия в этот город апостола Павла, который как римский гражданин должен был предстать

³ Главнейшие источники собраны здесь: *Mirbt C.* Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus. Tübingen, 1911³.

⁴ *Haller J.* Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Stuttgart, 1950. Bd. 1. S. 481–485 (Халлер в частности указывает на то, что эта дата встречается в позднейших источниках IV в., подлинность которых вызывает сомнения: *Ibid.* S. 483); *Zwierlein O.* Petrus in Rom: Die literarischen Zeugnisse. В., 2009. S. 4–7.

⁵ Впрочем, и сама эта дата имеет ненадежное основание — апокрифические акты мученичества Петра.

перед судом императора. О пребывании там апостола Петра нет ни слова. При этом следует учесть, что книга Деяний апостольских, как признается многими исследователями, составлялась ок. 100 г., когда о факте кончины апостолов уже было известно, и еще было живо достаточное количество людей, могущих свидетельствовать о позднейшем этапе их жизни, а также о месте и обстоятельстве их смерти. Климент, епископ Римский, согласно ошибочной информации Тертуллиана⁶, рукоположенный самим Петром, в конце I в. в своем послании к Коринфянам упоминает о мученической смерти Петра, однако, будучи епископом Рима, показательным образом не говорит о кончине Петра именно в этом городе⁷. В начале II в. Игнатий Антиохийский в своем «Послании к римлянам», говоря о мученической смерти Петра и Павла, также не говорит о том, что они приняли смерть в Риме, хотя, учитывая его адресат, такое упоминание было бы весьма уместным.

Древнейшие предания об основании Церкви в Риме апостолом Петром восходят к авторам, писавшим более чем через столетие после его смерти. Так, в самом конце II в. об основании Римской Церкви апостолами Петром и Павлом говорит Иринея Лионский в своем сочинении «Против ересей» (III. 3. 2–3)⁸: «Но поскольку чрезвычайно длинно будет перечислять в этой книге преемства [епископов] Церквей, — причем величайшая, и древнейшая⁹, и всем известная Церковь была заложена и основана (θεμελιωθείσης καὶ κατασταθείσης) в Риме двумя славнейшими апостолами Петром и Павлом... Ведь с этой Церковью из-за [ее] весьма большой древности (διὰ τὴν ἱκανωτέραν ἀρχήν) необходимо соглашаться всем Церквам, то есть верующим повсюду: в ней для всех [христиан] сохранено апостольское предание». Рассказывая об основании Римской кафедры, Иринея явно не стремится к точности выражений, приписывая «основание» Павлу¹⁰, поскольку, согласно книге Деяний, прибыв в Рим, Павел уже застал в нем христианскую общину¹¹. При этом о миссии Петра в Риме Священное Писание ничего не сообщает. Утверждение Иринея о том, что именно в Риме «для всех [христиан] сохранено апостольское предание» также вызывает удивление, ввиду того что Рим далеко не в первую очередь был местом проповеди апостолов, в том числе Петра и Павла.

Другим автором, сохранившим предание о пребывании Петра в Риме, был диакон Гай, писавший вскоре после Иринея. Вот его слова, донесенные до нас

⁶ *Tertullianus*. De praescriptione haereticorum 32. Затем этот тезис развертывается и детализируется в подложных посланиях Климента, так называемых псевдо-клементах — фальсификате начала IV в. (см.: *Zwierlein*. Op. cit. S. 164–165).

⁷ Это обстоятельство удивительно как само по себе, так и в той связи, что позднейшая римская литература непрерывно ссылается на факт кончины и захоронения Петра в Риме.

⁸ *Zwierlein*. Op. cit. S. 140–155.

⁹ В данном случае использование Иринеем превосходных степеней прилагательных следует воспринимать в смысле «высокой степени качества», т. е. в том смысле, что Рим весьма великая и древняя кафедра, а не в том, что она более великая и древняя, чем все остальные, — последнее вопиющим образом противоречит исторической истине.

¹⁰ Иринея употребляет глагол θεμελιόω — «заложить основу, фундамент».

¹¹ Деян 28. 13–15: «Оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли братьев, и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился».

Евсевием Кесарийским в его «Церковной истории» (25. 5–7): «Итак, этот первый среди властителей богоборец (Нерон. — М. Г.) горделиво поднял руку на апостолов. Рассказывают, что Павел при нем был обезглавлен в самом Риме, а Петр распят; рассказ этот подтверждается именами Петра и Павла, уцелевшими на кладбищах этого города. Это же утверждает и клирик, именем Гай, живший при Римском епископе Зефирине (ок. 199–217. — М. Г.). Письменно возражая Проклу, главе катафригийской секты, он так говорил о тех местах, где положены священные останки упомянутых апостолов: “Я могу показать тебе победный трофей (τὰ τρόπαια) апостолов. Если ты пойдешь в Ватикан или по Остийской дороге, ты найдешь трофей тех, кто основал эту Церковь”».

Данное сообщение, стоящее практически одиноко, появляется одновременно с возникновением почитания святых останков¹². Крайне сомнительным выглядит в этой связи то, что римляне, не имевшие до тех пор интереса к захоронениям мучеников вообще¹³, неожиданно проявляют осведомленность о местонахождении останков святого Петра примерно через 140 лет после его смерти, а в 258 г. совершают их перезахоронение, притом что зафиксированная древняя традиция ничего не знает о пребывании апостола в Риме. Современные археологические исследования в Риме не подтвердили наличия однозначно христианских захоронений в I–II вв.¹⁴ Кроме того, слово τὰ τρόπαια (в переводе «победный трофей, монумент») совсем не обязательно должно указывать на место погребения, означая всего лишь «памятник»¹⁵.

Вслед за цитатой из диакона Гая Евсевий (25. 8) приводит следующую выдержку из «Послания к римлянам» Дионисия Коринфского (ок. 170 г.): «Что оба (апостола) мученически скончались в одно и то же время, это подтверждает Дионисий, епископ Коринфский, в письме своем к римлянам: “Вы в вашем сообществе соединили питомники, насажденные Петром и Павлом в Риме и в Коринфе. Оба насаждали у нас в Коринфе, одинаково научая нас; одинаково они вместе поучали в Италии и мученически скончались в одно и то же время”». Основной проблемой, связанной с данной цитатой из Дионисия, является то, что о пребывании Петра в Коринфе ни Священное Писание, ни последующая христианская письменность вплоть до конца III в. также ничего не знают.

Тогда же и Тертуллиан в нескольких своих сочинениях упоминает о мученической кончине Петра и Павла в Риме. В сочинении «Об осуждении еретиков» (гл. 36) он пишет следующее: «Если ты в Италии, перед тобой Рим, который для

¹² Впрочем, литургическое почитание обоих апостолов начинается в Риме только в 258 г., причем сразу три места фигурируют в качестве мест погребения апостолов Петра и Павла (см.: *Haller*. Op. cit. S. 483; *Zwierlein*. Op. cit. S. 5).

¹³ *Riesner R.* Apostelgeschichte, Pastoralbriefe, 1. Clemens-Brief und die Martyrien der Apostel in Rom // *Petrus und Paulus in Rom. Eine interdisziplinäre Debatte* / S. Heid, Hrsg. Freiburg im Breisgau, 2011. S. 153–179.

¹⁴ См.: *Zwierlein*. Op. cit. S. 4; *Weber W.* Die Suche nach dem Petrusgrab. Zu den archäologischen Untersuchungen im Bereich der Confessio von St. Peter // *Petrus und Paulus in Rom...* S. 67–113; *Mielsch H.* Die Umgebung des Petrusgrabes im 2. Jahrhundert // *Petrus und Paulus in Rom...* S. 383–404.

¹⁵ *Dinkler E.* Die Petrus-Rom-Frage // *Theologische Rundschau*. N. F. 1959. Bd. 25. S. 189–230, 289–335 (здесь: S. 220–222); *Heid S.* Die Anfänge der Verehrung der apostolischen Gräber in Rom // *Petrus und Paulus in Rom...* S. 283–308.

нас тоже авторитет. Сколь счастлива его Церковь, на которую апостолы излили учение вместе со своей кровью, в которой Петр сравнивается страданием с Господом, где Павел венчается кончиной Иоанна, где апостол Иоанн, ничуть не пострадавший, будучи ввергнут в пылающее масло, высылается на остров»¹⁶.

Таким образом, все древнейшие, конца II в., сообщения о пребывании и кончине Петра в Риме, а также об основании им там епископской кафедры стоят в контексте малодостоверных и противоречивых преданий об апостолах и заставляют сделать вывод о том, что ясного представления о чрезвычайно тяжелом периоде истории Церкви, пришедшемся на 70–135 гг., у авторов конца II в. не было по одной простой причине: Нероново гонение 65–68 гг. уничтожило христианскую общину Рима и прервало цепь живой устной традиции. История возникновения новой римской христианской общины совершенно неизвестна. Во всяком случае, она не имеет уже ничего общего с общиной первоначальной — общиной апостольских времен, к которой приехал в Рим апостол Павел¹⁷.

Предание о мученической кончине Петра в Риме всегда было местным благочестивым верованием¹⁸ и, как многие другие древние предания, не должно было вызывать никаких вопросов. Печальная необходимость подчеркивать его слабую историческую достоверность и подвергать сомнению эту традицию в наше время существует лишь в силу того, что Рим, основываясь на этом предании, выводит из него уже в I тысячелетии по Р. Х. претензии на универсальную церковную и, что самое поразительное, светскую власть.

Достаточно любопытен тот факт, что предание об основании Римской Церкви апостолом Петром возникает как раз в то время, когда в христианской общине Рима впервые появляется епископ, т. е. в середине или второй половине II в.¹⁹ Именно на это время приходится творчество христианского писателя Игесиппа, совершившего, по сведениям Евсевия, ок. 155–166 гг. путешествие из Коринфа в Рим, повсюду собиравшего местные церковные предания и составлявшего списки епископов. Согласно Игесиппу, как раз апостол Петр рукоположил первых римских епископов²⁰.

Вторая половина II в. — время первого заметного расцвета римской общины, быстрого роста численности ее членов и ее благосостояния. Практически сразу римские епископы начинают позволять себе на церковно-политическом

¹⁶ В другом месте данного сочинения (гл. 32), как уже было указано выше, Тертуллиан утверждает, что епископ Римский Климент был рукоположен самим Петром, что также неверно, поскольку, согласно преданию, Климент был третьим епископом Рима, заняв кафедру примерно через 20 лет после смерти Петра, пострадавшего, если следовать традиционному взгляду, в Нероново гонение (65–68 гг.).

¹⁷ *Zwierlein*. Op. cit. S. 113–127; *Schmitt T.* Die Christenverfolgung unter Nero // *Petrus und Paulus in Rom...* S. 517–537.

¹⁸ *Ameling W.* Petrus in Rom. Zur Genese frühchristlicher Erinnerung // *Petrus und Paulus in Rom...* S. 468–491.

¹⁹ *Haller*. Op. cit. S. 476–477. Именно в это время место и роль епископа во всей христианской Церкви приобретают устоявшийся вид.

²⁰ Это обстоятельство оставалось в Риме неизвестным практически до середины IV в., когда с творчеством Игесиппа римлянам удалось познакомиться благодаря изучению сочинений Евсевия Кесарийского латиноязычными авторами блж. Иеронимом и Руфином Аквилейским.

поприще действия, идущие вразрез с общепринятой тогда практикой братского общения между епископами и декларировать намерение выступать незванными судьями в общецерковных делах. Папа Виктор I (190–202) — первый латиноязычный папа, выходец из Африки — резко и грубо вмешивается в спор о дате празднования Пасхи. Вот что пишет об этом Евсевий Кесарийский (Церковная история V. 24): «Тогда Виктор, предстоятель римлян, собрался разом отлучить за инакомыслие асийские и сопредельные с ними Церкви; он клеймил всех тамошних братьев письменно, огульно объявляя их отлученными. Не всем, однако, епископам пришлось это по душе; Виктора уговаривали подумать о мире, единении с ближними, о любви. Известны послания с резкими нападками на Виктора. Среди противников Виктора был Иринеи, писавший от лица всех галльских братьев, главой которых он был: он сразу заявил, что таинственное воскресение Господне должно праздновать только в день Господень, и стал подобающим образом уговаривать Виктора не отлучать целые Церкви Божии за то, что они соблюдают издревле переданный им обычай. <...> Тут он приводит рассказ, который хорошо поместить здесь: “Пресвитеры, жившие до Сотера, предстоятели Церкви, которой ты ныне управляешь: Аникет, Пий, Гигин, Телесфор и Ксисст — сами не соблюдали поста и не заповедали его своим. Тем не менее они, не соблюдавшие, были в мире с братьями, которые приходили к ним из Церквей, где он соблюдался, хотя соблюдение его казалось не соблюдавшим чрезвычайно нелепым. Никогда за этот обычай никого не отвергали; епископы, твои предшественники, его не соблюдавшие, посылали Евхаристию членам Церквей, его соблюдавшим”». Отметим, что здесь ранние предстоятели Римской Церкви названы не епископами, а пресвитерами.

На основании приведенных выше свидетельств древних церковных писателей, число которых здесь практически исчерпано, и главным образом на основании свидетельства диакона Гая, являющегося единственным римским, мы можем сделать вывод о том, что предание о мученической кончине апостола Петра в Риме появляется в этом городе не ранее последней четверти II в. и, распространившись в первую очередь в ближайших к Риму Церквях Запада, к началу IV в. входит в общецерковное предание, нашедшее свое выражение в первую очередь в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, подводившей итог истории христианской Церкви в языческом Римском государстве.

Еще во времена правления в Риме папы Стефана (ум. 257 г.) и епископа Карфагенского Киприана (ум. 258 г.) произошел конфликт, представляющий интерес для истории последующих отношений внутри поместных Церквей. За решением спорных вопросов одновременно в Рим и в Карфаген обращаются двое испанских епископов, а затем и галльские епископы по поводу епископа Арелата (совр. Арля). Внутри самой Карфагенской Церкви произошел в это время новатианский раскол, причем в деле новатиан папа Стефан целиком встал на сторону этих последних. В достаточно резкой полемике, которая последовала между Римом и Карфагеном, папа Стефан, отстаивая свой авторитет, впервые указал на то, что он является преемником апостола Петра. Попытка Рима в данном конфликте настоять на своем и навязать свои взгляды другим общинам вызвала резкое возмущение не только Киприана, но и епископа влиятельной Ке-

сарийской Церкви Фирмилиана. В письме Фирмилиана папе было указано, что Рим уже и в других вопросах отошел от традиции, наиболее авторитетным выражением которой является Иерусалим. Фирмилиан также подверг сомнению притязания Стефана на епископское преемство от апостола Петра: «Те, кто в Риме, не во всем соблюдают то, что было передано от начала, и тщетно прикрываются авторитетом апостолов (*frustra apostolorum auctoritatem praetendere*) ... Но и в этой части я справедливо негодую на столь открытую и очевидную глупость Стефана, который так похваляется местом своего епископства и притязает на то, что хранит преемство от Петра (*se successionem Petri tenere contendit*), на котором положены основания Церкви...»

Со своей стороны, Киприан, признавая высокое достоинство Римской Церкви, основанной, как он полагал, Петром²¹, не считал, однако, что Римская кафедра на этом основании получает какие-либо особые полномочия в отношении остальных Церквей. В одном из посланий он пишет: «Что касается обычая, то следует не предписывать, а убеждать доводами. Ведь и Петр, которого Бог избрал первым и на котором воздвиг Он Церковь свою, когда впоследствии Павел спорил с ним об обрезании, не требовал для себя чего-либо высокомерно и не притязал дерзко на то, чтобы сказать, что он имеет первенство (*primatum tenere*) и что ему должны подчиняться и нынешние и будущие, и не презрел Павла из-за того, что был тот прежде преследователем Церкви, но допустил обсуждение истины и легко согласился с законным доводом, который отстаивал Павел»²². Совокупностью этих фактов совершенно четко демонстрируется то, что Рим III в. не играл роли исключительной «апелляционной инстанции»: в такой роли могла выступить любая крупная и влиятельная христианская община во главе с ее епископом. Также становится очевидным и то, что преемство римского епископа от апостола Петра отнюдь не признавалось всеми за пределами Римской Церкви и тем более не признавалось право Рима судить другие Церкви на этом основании.

С выходом эдикта о веротерпимости, изданного совместно императорами Константином и Лицинием в 313 г., начинается новая страница истории внутрицерковных отношений, характеризующаяся, прежде всего, изменением отношений государства и Церкви. С 313 до 391 г. христианство прошло путь от статуса дозволенной до статуса государственной религии, победившей в Империи всех своих конкурентов. Положение Римской Церкви, как и всех остальных, резко меняется. В 325 г. начинается эпоха Вселенских соборов. С первого Вселенского собора, прошедшего в Никее, складывается правило, согласно которому созыв Вселенского собора может быть осуществлен лично импера-

²¹ См.: *Epistula 59 ad Cornelium*. Здесь он называет Рим «кафедрой Петра, древней Церковью, от которой возникло единство священства» (*...ad Petri cathedram atque ad ecclesiam principalem, unde unitas sacerdotalis exorta est*).

²² «*Non est autem de consuetudine praescribendum, sed ratione vincendum. Nam nec Petrus, quem primum dominus elegit et super quem aedificavit ecclesiam suam, cum secum Paulus de circumcissione postmodum disceptaret, vindicavit sibi aliquid insolenter aut arroganter adsumpsit, ut diceret se primatum tenere et obtemperari a novellis et posteris sibi potius oportere nec despexit Paulum, quod ecclesiae prius persecutor fuisset, sed consilium veritatis admisit et rationi legitimae, quam Paulus vindicabat, facile consensit*» (*Epistula 71 ad Quintum*).

тором по представлению поместных Церквей. Впрочем, и поместные соборы зачастую собираются по инициативе императоров: уже в раннее время (316 г.) император Константин приказывает провести Собор в Арелате, о результатах которого епископы, принявшие в нем участие, сочли необходимым уведомить папу Сильвестра²³. Еще ранее (313 г.) по приказу Константина папа Мильтиад проводит в Риме собор, разбирающий дело епископа Карфагенского Цецилиана в присутствии епископов Августодуна (совр. Отен), Колонии Агриппины (совр. Кельн) и Арелата.

Именно императоры начинают придавать римской епископской кафедре особое значение в силу статуса города Рима как столицы Империи. Следует отметить, что сами римские епископы на протяжении почти всего IV в. оказываются в стороне от важнейших событий, переживаемых вселенской Церковью, или же играют в них вторичную роль. Западная Церковь, фактически представлявшая собой противовес арианствующему Востоку, оказывается ведомой не римскими епископами, а совершенно другими лицами наподобие Осии Кордубского, Илария Пиктавийского или Амвросия Медиоланского. В Риме неоднократно происходят расколы среди общины, так что епископская кафедра на длительный срок оказывается занята противостоящими друг другу предстоятелями.

В IV в. Империя становится христианской. Начинается эпоха имперской Церкви. Правление Константина Великого создает типологию отношений Церкви и государства. Начинается быстрое формирование Церкви как Церкви государственной, Церкви имперской. В этот период задаются внешние рамки ее существования, оформляется ее территориально-административное деление.

IV век — период активного и радикального реформирования территориально-административного устройства самой Римской империи. На смену рыхлой и неустойчивой системе предшествующего периода пришла четкая система Диоклетиана, которая впоследствии отлаживалась вплоть до Юстиниана Великого (527–565) и Маврикия (582–602). Государство получает вертикальное административное деление: низший уровень составляют провинции, средний — диоцезы и высший — префектуры претория. Достаточно быстро после установления мирных отношений между Церковью и государством церковная территориально-административная структура выстраивается по образцу государственной: именно государство задает для поместных Церквей пределы их юрисдикции.

Вселенская Церковь и раньше не пренебрегала государственным территориально-административным устройством, соотнося с ним устройство церковное. 34-е апостольское правило предписывает следующее: «Епископам каждого народа надлежит знать первого среди них, считать его главою и ничего лишнего не делать без его мнения, но каждому делать только то, что касается его прихода и подчиненных ему земель. Но и тот да не делает ничего без мнения всех. Ведь так будет согласие и прославится Бог через Господа во Святом Духе: Отец,

²³ «Dilectissimo papae Silvestro Marino etc. Communi copula caritatis et unitate matris ecclesiae catholicae vinculo inhaerentes, ad Arelatensium civitatem piissimi imperatoris voluntate adducti, inde te, gloriosissime papa, commerita reverentia salutamus» (цит. по: Sacrorum conciliorum nova, et amplissima collectio... / G. D. Mansi, ed. T. 2. P. 469).

и Сын, и Святой Дух»²⁴. Власть епископов ограничивалась их городами с прилегающей округой и за эти пределы не распространялась. Все, что касалось остального (περιττόν), подлежало согласованию с «первым среди них» (τὸν ἐν αὐτοῖς πρῶτον).

Кто же был первым среди епископов «каждого народа» и о каких «народах» идет речь? Согласно древнему римскому принципу образования территориально-административных единиц, каждый покоренный римлянами народ образовывал отдельную провинцию, которая получала то же название, что и его население. Естественным образом «первым» среди епископов становился епископ главного города провинции, обычно совпадавшего с главным городом покоренного римлянами народа — столицей прежнего независимого государства. Именно поэтому в каноне говорится, что первого надо именно «знать», а не, скажем, «выбирать» или «определять», поскольку столица провинции была известна изначально, а равно и предстоятель ее Церкви.

Греческим соответствием латинскому термину «провинция» было слово «епархия» (ἐπαρχία). В силу этого во главе епархии оказывался епископ столицы, «матери городов» данной провинции, по-гречески — митрополиит (μητροπόλις), т. е. митрополит. Именно по его инициативе и под его председательством собирался собор епархиальных (провинциальных) архиереев, призванный ведать делами, касающимися всей епархии. Ему же принадлежит и право церковного суда в епархии. Совокупность полномочий митрополита в отношении управления своей епархией принято называть преимуществами данного митрополита (лат. praerogativa, греч. πρεσβεῖα). Следует отметить, что совокупность полномочий митрополита в отношении подчиненных ему епископов считалась основанной не на власти, а на авторитете.

9-й канон Антиохийского собора (341 г.), толкуя 34-е Апостольское правило, наглядно иллюстрирует новое положение вещей, сложившееся в связи с изменениями церковно-государственных отношений: «Епископам во всякой провинции надлежит знать, что епископ — предстоятель митрополии принимает на себя заботу обо всей епархии в силу того, что в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие [какие-либо] дела. Потому и решено, чтобы он первенствовал в отношении чести, а прочие епископы без него ничего лишнего не делали согласно древнему действующему канону наших отцов, кроме того, что касается их прихода и подчиненных ему земель, но каждому епископу иметь власть над своим приходом, управлять согласно присущему каждому благочестию и являть попечение обо всей области, подчиненной его городу: рукополагать пресвитеров и диаконов и разбирать все по суду. Более же ничего не пытаться делать без епископа митрополии, а также и ему без мнения остальных»²⁵.

²⁴ «Τοὺς ἐπισκόπους ἐκάστου ἔθνους εἰδέναι χρὴ τὸν ἐν αὐτοῖς πρῶτον, καὶ ἡγεῖσθαι αὐτὸν ὡς κεφαλὴν, καὶ μηδέν τι πράττειν περιττόν ἄνευ τῆς ἐκείνου γνώμης· ἐκεῖνα δὲ μόνα πράττειν ἕκαστον, ὅσα τῇ αὐτοῦ παροιμίᾳ ἐπιβάλλει, καὶ ταῖς ὑπ' αὐτὴν χώραις. Ἀλλὰ μηδὲ ἐκεῖνος ἄνευ τῆς πάντων γνώμης ποιεῖτω τι. Οὕτω γὰρ ὁμόνοια ἔσται, καὶ δοξασθήσεται ὁ Θεὸς διὰ Κυρίου, ἐν ἁγίῳ Πνεύματι, ὁ Πατὴρ, καὶ ὁ Υἱός, καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα» (Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων / Γ. Ράλλης, Μ. Ποτλῆς, ἐκδ. Ἀθήνησιν, 1852. Τ. 2. Σ. 45).

²⁵ «Τοὺς καθ' ἐκάστην ἐπαρχίαν ἐπισκόπους εἰδέναι χρὴ τὸν ἐν τῇ μητροπόλει προεστώτα ἐπίσκοπον, καὶ τὴν φροντίδα ἀναδέχεσθαι πάσης τῆς ἐπαρχίας, διὰ τὸ ἐν τῇ μητροπόλει παντα-

Более высокой инстанции, чем митрополит, изначально предусмотрено не было. Епископы городов—столиц диоцезов, в которые входило несколько провинций, также являлись епархиальными митрополитами, однако их юрисдикция не распространялась на окрестные провинции. Тем не менее авторитет их кафедр был обычно достаточно высок, так что уже с раннего времени складывается практика апелляций к таким митрополитам со стороны епископов окрестных и даже отдаленных провинций.

Однако система митрополичьих округов развивалась не во всех частях Империи по единой схеме. Несмотря на то что в эпоху правления Диоклетиана (284–305) и Константина Великого (306–337) все старые римские провинции подверглись делению, не везде церковно-административное деление оказалось совпадающим с новым государственным.

За целым рядом епископов I Вселенский собор закрепил ту территорию, на которую, согласно 34-му Апостольскому правилу, распространялась его традиционная юрисдикция до начала административно-территориальных реформ эпохи Диоклетиана-Константина. Так, 6-м соборным определением епископ Александрийский сохранял власть на всей территории Египта, Ливии и Пентаполя. Полномочия епископа Антиохийского сохранялись в пределах территории бывшей державы Селевкидов, вошедшей в Римскую державу. Рим также входит в число тех кафедр, область юрисдикции которых регламентируется 6-м определением Никейского собора. Согласно сохранившемуся греческому тексту, соответствующий пассаж выглядит следующим образом: «Пусть господствуют древние обычаи, которые в Египте, Ливии и Пентаполе, так что епископ в Александрии имеет власть над всеми ими, поскольку и епископу в Риме это обычно. Равно и в Антиохии, и в прочих епархиях пусть сохраняются у Церквей преимущества»²⁶.

Предоставленные собором Александрийскому престолу права юрисдикции так же, как и существующие права Римского престола, основываются на сложившемся обычае, однако объясняются особенностью именно гражданского положения обеих кафедр и их исключительным территориально-административным положением. В самом деле, источники не дают нам никакого иного объяснения. Так, в частности, предоставление епископу Александрии подобных преимуществ не обосновывается особым положением евангелиста Марка — основателя епископской кафедры в Александрии и первого тамошнего епископа. Также и преимущества Антиохии не мотивируются ссылкой на того же апостола Петра,

---

χόθεν συντρέχειν πάντας τοὺς τὰ πράγματα ἔχοντας. Ὅθεν ἔδοξε καὶ τῇ τιμῇ προηγεῖσθαι αὐτόν, μηδὲν τε πράττειν περιττὸν τοὺς λοιποὺς ἐπισκόπους ἄνευ αὐτοῦ, κατὰ τὸν ἀρχαῖον κρατήσαντα ἐκ τῶν Πατέρων ἡμῶν κανόνα· ἢ ταῦτα μόνα, ὅσα τῇ ἐκάστου ἐπιβάλλει παροικία, καὶ ταῖς ὑπ' αὐτὴν χώραις. Ἐκαστον γὰρ ἐπίσκοπον ἐξουσίαν ἔχειν τῆς ἑαυτοῦ παροικίας, διοικεῖν τε κατὰ τὴν ἐκάστῳ ἐπιβάλλουσαν εὐλάβειαν, καὶ πρόνοιαν ποιεῖσθαι πάσης τῆς χώρας τῆς ὑπὸ τὴν ἑαυτοῦ πόλιν ὡς καὶ χειροτονεῖν πρεσβυτέρους καὶ διακόνους, καὶ μετὰ κρίσεως ἕκαστα διαλαμβάνειν· περαιτέρω δὲ μηδὲν πράττειν ἐπιχειρεῖν, δίχα τοῦ τῆς μητροπόλεως ἐπισκόπου, μηδὲ αὐτὸν ἄνευ τῆς τῶν λοιπῶν γνώμης» (Σύνταγμα τῶν θείων... Τ. 3. Σ. 140–141).

²⁶ «Τὰ ἀρχαῖα ἔθη κρατεῖτω, τὰ ἐν Αἰγύπτῳ, καὶ Λιβύῃ καὶ Πενταπόλει, ὥστε τὸν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ ἐπίσκοπον πάντων τούτων ἔχειν τὴν ἐξουσίαν ἐπειδὴ καὶ τῷ ἐν Ῥώμῃ ἐπισκόπῳ τοῦτο σύνηθές ἐστιν. Ὁμοίως δὲ καὶ κατὰ τὴν Ἀντιόχειαν, καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις, τὰ πρεσβεῖα σώζεσθαι ταῖς ἐκκλησίαις» (Σύνταγμα τῶν θείων... Τ. 2. Σ. 128).

согласно бесспорному преданию основавшего в этом городе Церковь. Мотивом предоставления епископам упомянутых городов особого статуса является исключительное положение данных городов в составе Империи: Александрия — место пребывания правителя всего Египта, Ливии и Пентаполя, во времена господства системы Диоклетиана (тетрархии — совместного правления одновременно четырех императоров) — резиденция одного из императоров; Антиохия — крупнейший город на Востоке, во времена тетрархии и позже (вплоть до 378 г.) — императорская резиденция.

Фактически 6-е определение I Вселенского собора в ситуации, когда римский император впервые оказался на стороне Церкви, ведет речь о наделении епископов крупнейших императорских резиденций на Востоке правами епископа столицы Империи — Рима. С другой стороны, непосредственным поводом для издания канона послужил тот факт, что с введением при Диоклетиане деления Египта на провинции отношения епископа Александрийского с епископами главных городов новых провинций должны были быть урегулированы, и I Вселенский собор оказался ближайшим по времени поводом для этого. Решение о предоставлении Александрийскому епископу прав юрисдикции на весь Египет игнорировало, тем самым, факт создания новых провинций и шло вразрез с существующей практикой создания поместных Церквей в виде митрополичьих округов. Для Египта митрополичьи округа не вводились, и отношения между епископами сохранялись «дореформенные». Таким образом, юрисдикция епископов, упомянутых в определении собора городов, выходила за рамки прав обычных епископов — глав митрополичьих округов, распространяясь на целый ряд митрополий.

Следует признать, что сохранившийся греческий текст 6-го определения не дает сколько-нибудь четкой формулировки пределов римской юрисдикции, так что остается неясным, что было «обычно» римскому епископу и на какие области распространяется его юрисдикция. Ситуацию исправляет латинский перевод данного канона, который, в редакции Руфина, содержит следующую информацию: «...и чтобы сохранялся у Александрии и в городе Рима древний обычай: как этот о Египте, так тот печется о пригородных Церквях (*suburbicariarum ecclesiarum*)»²⁷.

Прежде всего обратим внимание на то, что ни о какой папской юрисдикции в пределах всего Запада или в пределах всей вселенской Церкви отцам I Вселенского собора не было известно. Положение римского епископа было исключительным, поскольку в области его управления фактически оказывался целый ряд митрополичьих округов-провинций, но он не возвышался над таким же положением других престолов — Александрийского и Антиохийского. Отметим отсутствие ранговых различий между кафедрами, так же как отсутствие ссылок на

²⁷ «Et ut apud Alexandriam et in urbe Roma vetusta consuetudo servetur, quia vel [ille] Aegypti, vel hic suburbicariarum ecclesiarum sollicitudinem gerat» (*Rufinus*. *Historia ecclesiastica* X. 6). См.: *Durā V. N.* The «Petrine Primacy»: The Role of the Bishop of Rome according to the Canonical Legislation of the Ecumenical Councils of the First Millennium, an Ecclesiological-Canonical Evaluation // *The Petrine Ministry: Catholics and Orthodox in Dialogue* / W. Kasper, ed. N. Y., 2006. P. 159–187 (особенно: 168–173).

апостольское преемство упомянутых кафедр, каковое в данном случае выглядит иррелевантным.

Перейдем теперь к вопросу о том, что понималось под *suburbicariae ecclesiae*. Согласно административному делению, утвердившемуся в конце III в., Италия была разделена на два диоцеза, один из которых назывался собственно Италия и включал Рецию, Коттиевы Альпы и территории к северу от Апеннинских гор, а другой — так называемые *provinciae suburbicariae* («пригородные провинции»), подлежащие ведению викария города Рима (*vicarius urbis Romae*)²⁸. Вот эти провинции: Кампания, Тусция и Умбрия, Пицен, Сицилия, Апулия, Калабрия, Бруттий, Лукания, Самний, Сардиния, Корсика, Валерия. Таким образом, Рим представлял собой то же исключение, что и Александрия: в нем не вводилась система митрополичьих округов, и римский епископ управлял несколькими провинциями непосредственно.

Именно эти провинции могут являться единственной законно (соборно) признанной областью, на которую распространяется юрисдикция папы Римского, если только не является верным рассуждение, которое еще больше ее сужает. Дело в том, что город Рим (так же как впоследствии и Константинополь) был изъят из общего территориально-административного устройства Империи. Он не входил ни в одну из префектур, но управлялся собственным префектом: префектом города Рима (*praefectus urbi Romae*)²⁹. В юрисдикцию префекта города входило управление Римом и его стомильной округой. Соответственно, сообщение Руфина о том, что римский епископ управлял «пригородными церквями», можно понимать в том смысле, что он управлял территориями, подведомственными префекту города Рима. Если далее принять во внимание, что церковное территориально-административное деление выстраивалось строго вслед за гражданским, то логично будет предположить, что епископ Рима управлял теми же территориями, что и гражданский правитель Рима — префект города, а не тот правитель, из ведения которого собственно сам город был изъят, — викарий города Рима. Такое понимание подкрепляется фактом упоминания в источниках митрополита Сицилии и проведения на Сицилии особых соборов³⁰, а также аналогичной ситуацией на Корсике³¹ — в «пригородных провинциях», относящихся к ведению викария города Рима.

Столичное, но вместе с тем совершенно безвластное положение города Рима в составе Империи создавало в значительном большинстве его влиятельного населения заметное недовольство. Недовольны им были прежде всего римские сенаторы, и когда во второй половине IV в. Рим становится наконец по большей части христианским городом, римский епископ, в избрании которого начинает активно принимать участие римская знать, становится орудием отстаивания по-

²⁸ *Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis*. Bonnae, 1853. Т. 2. С. XVIII. P. 63*–64* (далее: *Notitia dignitatum*).

²⁹ *Notitia dignitatum*. Т. 2. С. IV. P. 15*–16*.

³⁰ *Sacrorum conciliorum...* Т. 3. Col. 381–384.

³¹ *Lanzoni F. Le diocesi d'Italia dalle origini al principio del secolo VII (an. 604)*. Faenza, 1927. Vol. 2. P. 680–704.

ложения и значения старой римской аристократии. С этого времени и почти до конца V в. римские епископы являются уроженцами знатных семей города.

Осознавая, что реальное значение Рима падает, а престиж Римского Понтифика никоим образом не может идти в сравнение с престижем предстоятелей крупнейших имперских городов, — императорских резиденций и столиц префектур претория, — Рим фактически начинает настаивать на ином принципе определения первенства в церковных делах, которое бы не имело отношения к реальному положению города в имперской территориально-административной системе. Поразительным образом одни только римские епископы оказываются недовольны своим положением, их одних среди всех епископов Империи категорически не устраивают узкие рамки их церковной власти: они начинают борьбу за их расширение.

Поскольку прибегать к государственному аргументу, т. е. ссылаться на миродержавную роль Рима, в церковных делах было неуместно, единственным выходом для пап остается дальнейшая разработка теории первенства апостола Петра. Еще более актуальной эта задача становится в связи с тем, что светский престиж Рима начинает катастрофически снижаться, особенно после разграбления города готами в 410 г. Не будучи столицей даже Западной части Римской империи (в этой роли выступали Медиолан (Милан), а затем Равенна), Рим утрачивает всякое политическое значение после ликвидации Западной Римской империи в 476 г. и установления в Италии власти варварских правителей.

Благодаря переводу блж. Иеронима латинский Запад ок. 380 г. смог познакомиться с «Хроникой» Евсевия Кесарийского³². В части «Хроники», взятой Евсевием, по всей видимости, из утраченного труда Игесиппа, встречается пассаж, гласящий в переводе Иеронима следующим образом: «Апостол Петр, родом галилеянин, первый понтифик христиан, после того как сначала основал Антиохийскую Церковь, отправился в Рим, где, проповедуя Евангелие, пробыл 25 лет епископом этого города»³³.

³² Перевод «Хроники» Евсевия был сделан Иеронимом, когда он жил в Риме и пользовался высоким покровительством папы Дамаса.

³³ «*Petrus Apostolus, natione Galilaeus, Christianorum Pontifex primus, cum primum Antiochenam Ecclesiam fundasset, Romam proficiscitur, ubi Evangelium praedicans XXV annis ejusdem urbis episcopus perseverat*». Следует отметить, что такой перевод Иеронима вызывает недоумение. Во-первых, слово «епископ» отсутствует как в армянском переводе данного пассажа (см.: Eusebius Werke / J. Karst, Übers., Komm. // Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Leipzig, 1911. Bd. 5. S. 214), так и в греческом оригинале того же места, приведенном в «Хронографии» Георгия Синкелла: «Πέτρος ὁ κορυφαῖος τὴν ἐν Ἀντιοχείᾳ πρώτην θεμελιώσας ἐκκλησίαν εἰς Ῥώμην ἄλεισι κηρύττων τὸ εὐαγγέλιον. ὁ δ' αὐτὸς μετὰ τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ ἐκκλησίας καὶ τῆς ἐν Ῥώμῃ πρώτης προέστη ἕως τελειώσεως αὐτοῦ» («Петр, верховный [апостол], первой основав Церковь в Антиохии, уходит в Рим, проповедуя Евангелие. Он же после Церкви в Антиохии первым стал во главе Церкви в Риме вплоть до кончины своей»). Две рукописи армянского перевода содержат цифру 20 применительно к годам служения Петра в Риме; сохраненный Георгием Синкеллом греческий текст не содержит в этом месте никакой цифры. В греческом тексте однозначно говорится, что Петр одинаково «предстоял» и в Антиохийской, и в Римской Церкви. Перевод греческого προέστη через латинское episcopus является толкованием Иеронима, которое не подтверждается армянским переводом. Кроме того, личной добавкой Иеронима (или его последующих переписчиков) является и приложенный к Петру эпитет «первый понтифик христиан». То, что Евсевий Кесарийский не считал

Основываясь на этой информации, в Риме более чем через 200 лет после предполагаемой даты смерти апостола в качестве бесспорной догмы принимают мнение о том, что Петр был первым римским епископом, от которого все последующие получили свое рукоположение. Единственным источником этих сведений оказывается вышеупомянутый толковательный перевод блж. Иеронима, который лично ничуть не сомневался в его правильности и составил следующее «личное дело» Петра, первого епископа римского³⁴: «Симон Петр, сын Иоанна, из провинции Галилея, из селения Вифсаида, брат апостола Андрея, princeps апостолов. После епископства в Антиохийской Церкви (post episcopatum Antiochensis ecclesiae) и проповеди о рассеянии тех, кто верил в обрезание, в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, во второй год императора Клавдия отправился в Рим для одоления Симона Мага и там двадцать лет занимал священническую кафедру (cathedram sacerdotalem tenuit)³⁵ вплоть до последнего года Нерона, то есть [года] четырнадцатого. Им прибитый ко кресту, мученичеством был увенчан, будучи обращен главой к земле с поднятыми кверху ногами, утверждая, что недостойн того, чтобы быть распятым, как Его Господь. Написал два послания, которые называются соборными, из которых второе большинством отвергается как не принадлежащее ему, поскольку стилем не согласуется с первым. Но говорят, что ему принадлежит и Евангелие от Марка, который был его слушателем и переводчиком. Книги же, из которых одна называется его актами, другая — евангелием, третья — проповедью, четвертая — откровением, пятая — судом, отвергаются как писания отреченные. Похоронен в Риме на Ватикане рядом с триумфальной улицей, отмечен почитанием всего мира».

Зерна, вольно или невольно посеянные Иеронимом, быстро взошли: уже менее чем через 10 лет Оптат Милевский как ни в чем не бывало пишет об основании епископской кафедры в Риме Петром, который сам на нее и воссел, передав затем Лину³⁶.

Правящие архиереи Римского престола постарались как можно эффективней использовать такое ревностное согласие некоторых членов окрестных поместных Церквей с новыми плодами начитанности отдельных латинских отцов в греческой церковно-исторической литературе. Очень быстро с этого времени у Римских Понтификов начало складываться представление о том, что они в буквальном смысле являются наследниками Петра, в которых тот живет и через которых действует. Пережившее свой всплеск во второй половине IV в. почитание Петра как главы апостолов и развивавшееся со времен Киприана Карфагенского специфическое учение о том, что Петр является олицетворением и источником

Петра первым *епископом* Рима, вполне однозначно, поскольку в своей «Церковной истории» (3. 2) он говорит: «После мученической смерти Павла и Петра первым епископом Римской Церкви был по жребию назначен Лин». Поскольку в «Хронике» Евсевия Петр не называется первым римским епископом, а в «Церковной истории» Евсевием однозначно сказано, что первым епископом Рима был Лин, то данный перевод Иеронима приходится признать толковательным и ошибочным.

³⁴ *Hieronymus. De viris illustribus* I.

³⁵ Здесь Иероним по какой-то причине не называет Петра епископом Рима, говоря при этом, что тот был епископом Антиохии.

³⁶ *Optati Milevitani Libri VII. II. 2–3.* / C. Ziwsa, rec. Pragae, 1893. P. 36.

епископской власти во всей Церкви, Римские епископы начинают понимать в том смысле, что они, которых все считают преемниками Петра, и являются живым олицетворением и источником епископской власти и соответственно они и призваны печься обо всей вселенской Церкви.

Если папа Сириций (384–399) всего лишь полагает, что Петр является его как папы особым защитником и покровителем, то уже Иннокентий I (401–417) называет себя «одновременно главой и острием епископского звания»³⁷. Именно он придает «открытиям» Иеронима максимально широкое толкование: «Ведь кто не знает или не понимает, что переданное Римской Церкви главой апостолов Петром и сохраняется донныне, должно соблюдаться всеми? Что нельзя прибавлять или вводить ничего, что не имеет авторитета или кажется берущим пример со стороны? Тем более когда очевидно, что по всей Италии, Галлиям, Испаниям, Африке, Сицилии и островам, между ними лежащим, никто не основывал Церкви, кроме тех, кого поставили во священники досточтимый апостол Петр и его преемники. Пусть прочтут, — если можно это найти и прочесть! — что в этих провинциях учил другой апостол! Если не прочтут, поскольку нигде этого не найти, то надлежит им следовать тому, что хранит Римская Церковь, от которой они без сомнения получили начало. Как бы, ища опор вовне, не оказалось, что утратили они главу поставлений!»³⁸

Занятно то, что к подобной фразеологии Иннокентий прибегает в письме, призванном побудить одного провинциального епископа руководствоваться в своей деятельности канонами Никейского собора, к выработке которых Рим в свое время был непричастен и с которыми ознакомился к тому времени лишь недавно!

Своеобразное толкование получает в устах Иннокентия тот факт, что, согласно преданию, Петр вначале основал Антиохийскую кафедру. В письме к Александру Антиохийскому он говорит: «Приводя, таким образом, на память авторитет Никейского собора, который единственный среди всех в мире раскрывает замысел священников, мы признаем, что определенное им о Церкви Антиохийской необходимо соблюдать всем верующим, не говоря уже о священниках, каковую вышеупомянутую Церковь мы признаем установленной над своим диоцезом, а не над какой-то провинцией. Отсюда замечаем мы, что не столько из-за величия города было это за ней признано, сколько из-за того, что она оказывается первым престолом первого апостола; в ней и христианская религия приняла свое имя, и удостоилась она, чтобы состоялось в ней знаменитейшее собрание апостольское. Она не уступала бы престолу города Рима, если бы тем, чего она

³⁷ *Haller. Op. cit. S. 112.*

³⁸ «*Quis enim nesciat aut non advertat, id quod a principe apostolorum Petro Romanae ecclesiae traditum est, ac nunc usque custoditur, ab omnibus deberé servari; nec superduci aut introduci aliquid, quod auctoritatem non habeat aut aliunde accipere videatur exemplum? praesertim cum sit manifestum, in omnem Italiam, Gallias, Hispanias, Africam atque Siciliam et insulas interiacentes nullum instituisse ecclesias, nisi eos quos venerabilis apostolus Petrus aut eius successores constituerint sacerdotes. Aut legant, si in his provinciis alius apostolorum invenitur aut legitur docuisse. Qui si non legunt, quia nusquam inveniunt, oportet eos hoc sequi, quod ecclesia Romana custodit, a qua eos principium accepisse non dubium est; ne dum peregrinis assertionibus student, caput institutionum videantur omittere» (PL. T. 20. Col. 552).*

удостоилась мимоходом, он не наслаждался, восприняв у себя и завершив»³⁹. Дело Петра, таким образом, признается нашедшим свое выражение и завершение именно в Риме. Как нельзя более к месту приходится здесь новоявленное учение Рима о пребывании св. Петра в должности первого епископа Римского.

Именно в первой половине V в. Рим начинает оказывать влияние на местные Церкви Запада, став для них источником информации о канонах, выработанных на Востоке со времени Никейского собора. При этом епископам и митрополитам Западных Церквей данные каноны преподносятся как древние правила, по которым существовала и существует Римская Церковь, невзирая на то что сам Рим ознакомился с ними лишь в конце IV в.⁴⁰

Правление императоров Гонория в западной части Римской империи, Аркадия и Феодосия Младшего в восточной ознаменовалось борьбой двух правительств за контроль над землями восточной части префектуры Иллирик, которая обычно при разделах Империи относилась к Западу, однако Феодосием Великим, отцом Аркадия и Гонория, была передана Востоку. Римские папы, пользовавшиеся покровительством западного двора, сыграли в борьбе, целью которой было возвращение Иллирика под власть западного императора, заметную роль. Именно логика этой борьбы заставила папу Иннокентия оказать поддержку Иоанну Златоусту, вступившему в конфликт с константинопольским императорским двором. Именно эта борьба заставила его пойти на беспрецедентный и неканонический шаг в попытке подчинить своей власти церкви Иллирика путем подчинения Риму епископа Фессалоникийского, назначенного его папским викарием⁴¹.

Наибольшего расцвета властные притязания Рима, основанные на представлении об особой роли апостола Петра как его первого епископа, достигают в деятельности папы Льва I (440–461). Именно он, продиктовав свою волю

³⁹ «Revolventes itaque auctoritatem Nicaenae synodi, quae una omnium per orbem terrarum mentem explicat sacerdotum, quae censuit de Antiochena ecclesia cunctis fidelibus, ne dixerim sacerdotibus, esse necessarium custodire, quae super dioecesim suam praedictam ecclesiam, non super aliquam provinciam recognoscimus constitutam. Unde advertimus, non tam pro civitatis magnificentia hoc eidem attributum, quam quod prima primi apostoli sedes esse monstretur, ubi et nomen accepit religio Christiana, et quae conventum Apostolorum apud se fieri celeberrimum meruit, quaeque urbis Romae sedi non cederet, nisi quod illa in transitu meruit, ista susceptum apud se consummatumque gauderet» (PL. T. 20. Col. 548).

⁴⁰ Папа Иннокентий пишет Феликсу, епископу Нукерии: «Мы не можем удивляться тому, что твоя любовь следует учреждениям предков и все, что может вызвать какое-либо сомнение, доносит нам как главе и вершине епископата, дабы апостольский престол, будучи запрошен, провозгласил относительно сомнительных дел нечто точное и дельное» («Mirari non possumus dilectionem tuam sequi instituta maiorum, omniaque, quae possunt aliquam recipere dubitationem, ad nos quasi ad caput atque ad apicem episcopatus referre, ut consulta videlicet sedes apostolica ex ipsis rebus dubiis certum aliquid faciendumque pronuntiet» (PL. T. 20. Col. 603)).

⁴¹ Чин и положение папского викария не находят себе никакого объяснения в канонической системе церковно-административного устройства того времени (см.: *Ленорский П. И.* История Фессалоникского экзархата до времени присоединения к Константинопольскому патриархату. СПб., 1901; *Anastos M.* The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732–33 // «Silloge Bizantina» in onore di Silvio Giuseppe Mercati. R., 1957. P. 15–31; *Kötter J.-M.* Autonomie der illyrischen Kirche? Die Sixtus-Briefe der Collectio Thessalonicensis und der Streit um das kirchliche Illyricum // Millennium. 2012. Vol. 9. P. 163–185).

Вселенскому собору в Халкидоне и победив в лице Диоскора Александрийского своего авторитетнейшего противника, первым стал вести себя как глава Церкви, стоящей превыше всех остальных поместных Церквей. В его устах Петр называется уже исключительно *primas* или *principes*, и таким образом закладывается позднейшее римское представление о Петре как о «князе апостолов»⁴². Основание Петром кафедры в Риме Лев рассматривает как особый признак его учительства (*speciale magisterium*)⁴³.

Для характеристики искаженного понимания папой Львом роли Петра в Церкви как посредника между Нею и Господом весьма показательными являются следующие его высказывания: «Но Господь так пожелал довести до обязанности всех апостолов святыню этого дара, что разместил ее главным образом в Петре, верховном среди апостолов. И от него, как от некоей главы, пожелал Он, чтобы дары Его распространялись по всему телу, чтобы всякий, кто дерзнет отступить от крепости Петра, понимал, что находится вне божественного таинства»⁴⁴. В таком ракурсе неподчинение Римскому Понтифику рассматривается уже как неподчинение самому Петру, а следовательно — Христу.

Соответственно в отношении Илария Арелатского, противившегося папской воле, Лев позволяет себе такие слова: «...итак, забота наша, — ищущая не своего, но того, что Христово, — не оспаривает свыше данного достоинства ни у Церквей, ни у церковных священников. Но этот путь, которого предки наши всегда тщательно придерживались, и во здравии сохраненное положение Церквей Иларий преступил, намереваясь нарушить согласие священников новыми притязаниями. Так он желал подчинить вас своей власти, что не потерпел подчинения апостолу Петру... а также приуменьшал весьма дерзкими словами достояние (*reverentiam*) блаженнейшего апостола Петра, которому прежде всех была передана власть вязать и решить, а также особо (*specialius*) вручена забота пасти овец. Если кто сочтет, что следует отвергать его главенство (*principatum*), тот никоим образом не сможет приуменьшить его чести, но, будучи надут духом собственной надменности, самого себя погружает в преисподнюю»⁴⁵.

Весьма красноречива попытка Льва, прибегнув к «апостольскому» аргументу, показать большую древность Церкви Рима, основанной Петром, нежели, к примеру, Александрийской Церкви, основанной «всего лишь» его учеником Марком. Обращаясь к патриарху Александрийскому Протерию, Лев пишет следующее: «Меня обрадовали письма твоей любви, которые доставил брат и соепископ наш Несторий, оказав [тем самым] благочестивую услугу. Ведь подобало, чтобы от предстоятеля Александрийской Церкви посылались бы к апостольскому престолу такие писания, которые выказывали бы, что благодаря учи-

⁴² См.: *Demacopoulos G. E. The Invention of Peter. Apostolic Discourse and Papal Authority in Late Antiquity. Philadelphia, 2013. P. 39–72.*

⁴³ *Leonis epistula CXIX // PL. T. 54. Col. 1042.*

⁴⁴ «*Sed huius muneris sacramentum ita Dominus ad omnium apostolorum officium pertinere voluit, ut in beatissimo Petro apostolorum omnium summo principaliter collocarit; et ab ipso quasi quodam capite, dona sua velit in corpus omne manare, ut exsortem se mysterii intellegeret esse divini, qui ausus fuisset a Petri soliditate recedere*» (*Leonis epistula X // PL. T. 54. Col. 659*).

⁴⁵ *Ibid. Col. 630.*

тельству блаженнейшего апостола Петра через блаженного Марка, его ученика, египтяне с самого начала выучили то, во что, как известно, верили римляне»⁴⁶.

Учение Льва о роли Петра выглядит принципиально новаторским и порывающим со всей прошлой традицией, если принять во внимание целый ряд его аспектов. Так, Петр один получает полномочия от Господа, «поскольку он выставляется как пример для всех правителей Церкви. Его преимущество сохраняется везде, где бы в духе его праведности ни произносился приговор»; ничего далее «не будет ни связано, ни разрешено, если это не связал и не разрешил святой Петр». Применительно к прочим апостолам говорит он, что «на Петре покоится вся их сила, а крепость, которая вручается Петру Христом, через Петра переносится на апостолов»⁴⁷.

Основываясь на этих положениях, Лев в письме к епископу Фессалоникийскому развивает теорию неравенства власти епископов. Согласно его мнению, буквально получается, что епископы, хотя и равны, однако некоторые из них «равнее» остальных: «Связь всего тела создает единое здравие, единую красоту; и эта связь всего тела требует единодушия, особенно же добивается согласия священников, у которых достоинство хотя и общее, однако не таков всеобщий ранг, поскольку и среди блаженнейших апостолов наряду с подобием чести было некое различие власти, и хотя избранность была равной, только одному было дано выдаваться среди всех. Из какового примера также возникло и различие епископов, и великим предназначением было предусмотрено, чтобы не все присваивали себе все, но были в каждой провинции те, которые среди своих братьев имеют [право] первого приговора. И опять же, чтобы те, кто поставлен в более крупных городах, принимали на себя более обширную заботу, и через них забота о вселенской Церкви стекалась к единому престолу Петра, и ничто никогда не противилось своей главе. Тот, кто знает, что он поставлен над кем-то, пусть не тяготится тем, что кто-то поставлен над ним, но послушание, которого требует, пусть выкажет и сам...»⁴⁸

⁴⁶ «Laetificaverunt me litterae dilectionis tuae, quas frater et coepiscopus noster Nestorius pio apportavit officio. Opportebat enim ut ab Alexandrinae Ecclesia praesule talia scripta ad sedem apostolicam mitterentur, quae ostenderent magisterio beatissimi petri apostoli hoc ab initio per beatum Marcum eius discipulum didicisse Aegyptios, quod constat credidisse Romanos» (Leonis epistula CXXIX // PL. T. 54. Col. 1075).

⁴⁷ «Transivit quidem etiam in alios apostolos jus potestatis istius (sc. Petri), et ad omnes Ecclesiae principes decreti huius constitutio commevit; sed non frustra uni commendatur, quod omnibus intimetur. Petro enim ideo hoc singulariter creditur, quia cunctis Ecclesiae rectoribus Petri forma praepositur. Manet ergo Petri privilegium, ubicumque ex ipsius fertur aequitate iudicium. Nec nimium est vel severitas, vel remissio, ubi nihil erit ligatum, nihil solutum, nisi quod beatus Petrus aut solverit aut ligaverit. ...In Petro ergo omnium fortitudo munitur, et divinae gratiae ordinatur auxilium, ut firmitas, quae per Christum Petro tribuitur, per Petrum apostolis conferatur» (Leonis sermo IV // PL. T. 54. Col. 151–152).

⁴⁸ «Connexio totius corporis unam sanitatem, unam pulchritudinem facit: et haec connexio totius quidem corporis unanimatem requirit, sed praecipue exigit concordiam sacerdotum. Quibus cum dignitas sit communis, non est tamen ordo generalis: quoniam et inter beatissimos apostolos in similitudine honoris fuit quaedam discretio potestatis; et cum omnium par esset electio, uni tamen datum est ut caeteris praeemineret. De qua forma episcoporum quoque est orta distinctio, et magna ordinatione provisum est ne omnes sibi omnia vindicarent; sed essent in singulis provinciis singuli, quorum inter fratres haberetur prima sententia; et rursus quidam in majoribus urbibus constituti sollicitudinem

Таким образом, после того, как епископская власть в Риме переходит в руки аристократии, а Петр утверждается в качестве первого римского епископа, главы апостолов и источника апостольской власти, создается фундамент для укрепления папской власти в ее чисто светском аспекте. Распадавшаяся на глазах Западная империя не оставляла для римских аристократов другой возможности сохранить привычную власть, кроме как попытаться консолидировать земли Запада под главенством Римского Папы. Чем более слабела власть западно-римского императора, тем крепче становится власть римского епископа, утверждающего путем пропаганды и подлогов свой авторитет во всей вселенской Церкви. Ненормальная политическая ситуация, в которой оказались западные земли Империи, попавшие под власть варваров, создала предпосылки для вызревания гипертрофированной власти Римского Понтифика.

Ключевые слова: Римская Церковь, папство, апостол Петр, Евсевий Кесарийский, Тертуллиан, Иероним, каноны, Вселенские соборы, папа Иннокентий I, папа Лев I.

THE EMERGENCE AND FURTHER DEVELOPMENT OF THE IDEA OF PAPAL PRIMACY IN I—IV CENT.

M. GRATSIANSKIY

The author analyses how the idea of the papal primacy was formed and developed, papal primacy meaning the particular way in which the place of the bishop of Rome was conceived within the Universal Church. The period in question began with the second century and the emergence of a tradition regarding Peter's martyrdom in Rome and continued through the papacy of Leo I (440–461). It was Leo who summed up the idea of an exclusive ministry of the Roman pontiff within the Church. The author reviews early testimonies (stretching from the second to the fourth century) which note the presence of Peter in Rome, and view him first as a Roman martyr, later as the founder of the Roman episcopal see, and finally as Rome's first bishop. The idea of the position of Peter in the Church of Rome may be viewed as gradually evolving. The author demonstrates how a rather unreliable ancient tradition connecting the death of Peter with Rome evolved during the fourth and fifth centuries into the idea of Peter as the *prince of the apostles* (*princeps apostolorum*), who transmitted his authority or *power* over the Universal Church to his supposed successors, the bishops of Rome, — an idea which was fully developed by Leo I. The author also wishes to describe the way the Church of Rome was conceived during the first centuries of its existence and underlines the limits of its powers and its *susciperent ampliorem, per quos ad unam Petri sedem universalis Ecclesiae cura conflueret, et nihil usquam a suo capite dissideret. Qui ergo scit se quibusdam esse praepositum, non moleste ferat aliquem sibi esse praelatum; sed obedientiam quam exigit, etiam ipse dependat...*» (Leonis epistula XIV // PL. T. 54. Col. 676).

canonical jurisdiction. It is clear that the concept of the Roman papacy's universal ministry affording it the possibility to extend its universal jurisdiction over the entire Church within the Roman Empire are based on principles of ecclesiastical administration diametrically opposed to those, which were commonly defended by the rest of the Imperial Church and were founded on the decisions of ecumenical and local Church Councils.

Keywords: Church of Rome, Papacy, St. Peter, Eusebius of Caesarea, Tertullian, Jerome, canons, Ecumenical Councils, Pope Innocent I, Pope Leo I.

Список литературы

1. *Ameling W.* Petrus in Rom. Zur Genese frühchristlicher Erinnerung // Petrus und Paulus in Rom. Eine interdisziplinäre Debatte / S. Heid, Hrsg. Freiburg im Breisgau, 2011. S. 468–491.
2. *Anastos M.* The Transfer of Illyricum, Calabria and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732–33 // «Silloge Bizantina» in onore di Silvio Giuseppe Mercati. R., 1957. P. 15–31.
3. Das Register Gregors VII / E. Caspar, ed. B., 1920.
4. *Demacopoulos G. E.* The Invention of Peter. Apostolic Discourse and Papal Authority in Late Antiquity. Philadelphia, 2013.
5. *Dinkler E.* Die Petrus-Rom-Frage // Theologische Rundschau. N. F. 1959. Bd. 25. S. 189–230, 289–335.
6. *Durã V. N.* The «Petrine Primacy»: The Role of the Bishop of Rome according to the Canonical Legislation of the Ecumenical Councils of the First Millennium, an Ecclesiological-Canonical Evaluation // The Petrine Ministry: Catholics and Orthodox in Dialogue / W. Kasper, ed. N. Y., 2006. P. 159–187.
7. *Haller J.* Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Stuttgart, 1950.
8. *Heid S.* Die Anfänge der Verehrung der apostolischen Gräber in Rom // Petrus und Paulus in Rom. Eine interdisziplinäre Debatte / S. Heid, Hrsg. Freiburg im Breisgau, 2011. S. 283–308.
9. *Kötter J.-M.* Autonomie der illyrischen Kirche? Die Sixtus-Briefe der Collectio Thessalonicensis und der Streit um das kirchliche Illyricum // Millennium. 2012. Vol. 9. P. 163–185.
10. *Lanzoni F.* Le diocesi d'Italia dalle origini al principio del secolo VII (an. 604). Faenza, 1927. Vol. 2.
11. *Mielsch H.* Die Umgebung des Petrusgrabes im 2. Jahrhundert // Petrus und Paulus in Rom. Eine interdisziplinäre Debatte / S. Heid, Hrsg. Freiburg im Breisgau, 2011. S. 383–404.
12. *Mirbt C.* Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus. Tübingen, 1911³.
13. *Riesner R.* Apostelgeschichte, Pastoralbriefe, 1. Clemens-Brief und die Martyrien der Apostel in Rom // Petrus und Paulus in Rom. Eine interdisziplinäre Debatte / S. Heid, Hrsg. Freiburg im Breisgau, 2011. S. 153–179.
14. *Schmitt T.* Die Christenverfolgung unter Nero // Petrus und Paulus in Rom. Eine interdisziplinäre Debatte / S. Heid, Hrsg. Freiburg im Breisgau, 2011. S. 517–537.
15. *Weber W.* Die Suche nach dem Petrusgrab. Zu den archäologischen Untersuchungen im Bereich der Confessio von St. Peter // Petrus und Paulus in Rom. Eine interdisziplinäre Debatte / S. Heid, Hrsg. Freiburg im Breisgau, 2011. S. 67–113.
16. *Zwierlein O.* Petrus in Rom: Die literarischen Zeugnisse. B., 2009.
17. *Лепорский П. И.* История Фессалоникского экзархата до времени присоединения к Константинопольскому патриархату. СПб., 1901.